

риархах того времени — Михаиле Керулариа, Константине Лихуде и Иоанне Ксифилине.

Пселл стоял во главе византийской академии; император Константин Мономах предоставил ему пышный титул *hypertimos*'а и князя философов. Восторженное поклонение Платону, учение которого об идеях Пселлом в сущности и было опять пущено в обращение, и глубокие познания в древней литературе преисполняли «князя философов» глубочайшим почтением к Греции, хотя она давно уж была в пренебрежении. Из-за Кимона, Перикла, древних мудрецов и ораторов питал Пселл расположение и к современным афинянам и пелопоннесцам, ибо ради отцов следует почет воздавать и сыновьям, хотя бы последние и не обладали дарованиями первых.

Он оплакивал глубокую тьму, которая окутала некогда славившуюся своими знаниями Элладу, которая теперь — увы! — загромождалась лишь низверженными колоннами и обломками от древних ее храмов. Пселл искренне принял под свою защиту отчизну греков от предвзятых нападков византийцев и вызвал в их сознании истинное значение имени «эллинов».

Действительно, Эллада для византийских богословов, софистов и аристократов стала чем-то совершенно чуждым, ибо она не могла уже являться ареной деятельности ни для ученых, ни для государственных людей. В самом историческом труде Пселла имя Афин поминается всего однажды, без всякого касательства к современности. Он отмечает лишь вообще, что в его время Афины, Никомедия, Александрия, Финикия, Рим и даже Константинополь ни в какой научной области выдающегося значения не имеют¹. Наоборот, в письмах своих Пселл неоднократно поминает Афины. Так, однажды он пишет верховному судье Эллады и Пелопоннеса: «Сборщик податей в Афинах, едва ли подарив взглядом прославленную Грецию, уже клянет судьбу, словно попал к скифам. Правда, его более уже не тешат ни пестрая галерея, ни

¹ У Sathas'a IV 123. Равным образом и Пселл, подобно всем византийцам, употребляет слово «римлянин» для обозначения греков. Так, напр., и Фокиона называет он «Ρωμαίος» V, 522.